

Комментарий

Большинство имен существительных в тексте выступает в диминутивной форме, что является жанровой особенностью причитаний: *döleized, čureine, nagleized, hengut, rindeine, pagineine, svadbeine* и др.;

Традиционная формула *veraz mahut* «чужая земелюшка» именуется замужнюю жизнь, куда уходит девушка-невеста.

И. И. Муллонен
(Петрозаводск)

БОЛЬШИЕ ОЗЕРА МАЛЕНЬКОГО НАРОДА: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО РАЗМЕРУ В ВЕПССКОЙ ТОПОНИМИИ¹

Вепсская топонимия предоставляет уникальный материал для исследования диалектной лексики, причем в ее исторической динамике. В силу того что топонимы имеют четкую привязку к местности и обладают исключительной устойчивостью во времени, они способны сохранять историческую лексику, при этом ареально привязанную.

Одна из наиболее выразительных универсальных особенностей, используемая в топонимии для идентификации объекта, – это его размер. В озерных наименованиях широко распространена бинарная оппозиция ‘большой – маленький’, она характерна и для речных гидронимов. В статье обращается внимание на топоосновы, которые продуктивны в этой функции в вепсской гидронимии и восходят к прилагательным, практически уже утраченным современными говорами. Для их реконструкции используется как широкий спектр методик сравнительно-исторического языкознания, так и собственно топонимические методы, в частности ландшафтная характеристика объектов.

Большой размер водного объекта выражается реликтивными прилагательными *jalo и *enä, не известными в этой функции современному языку.

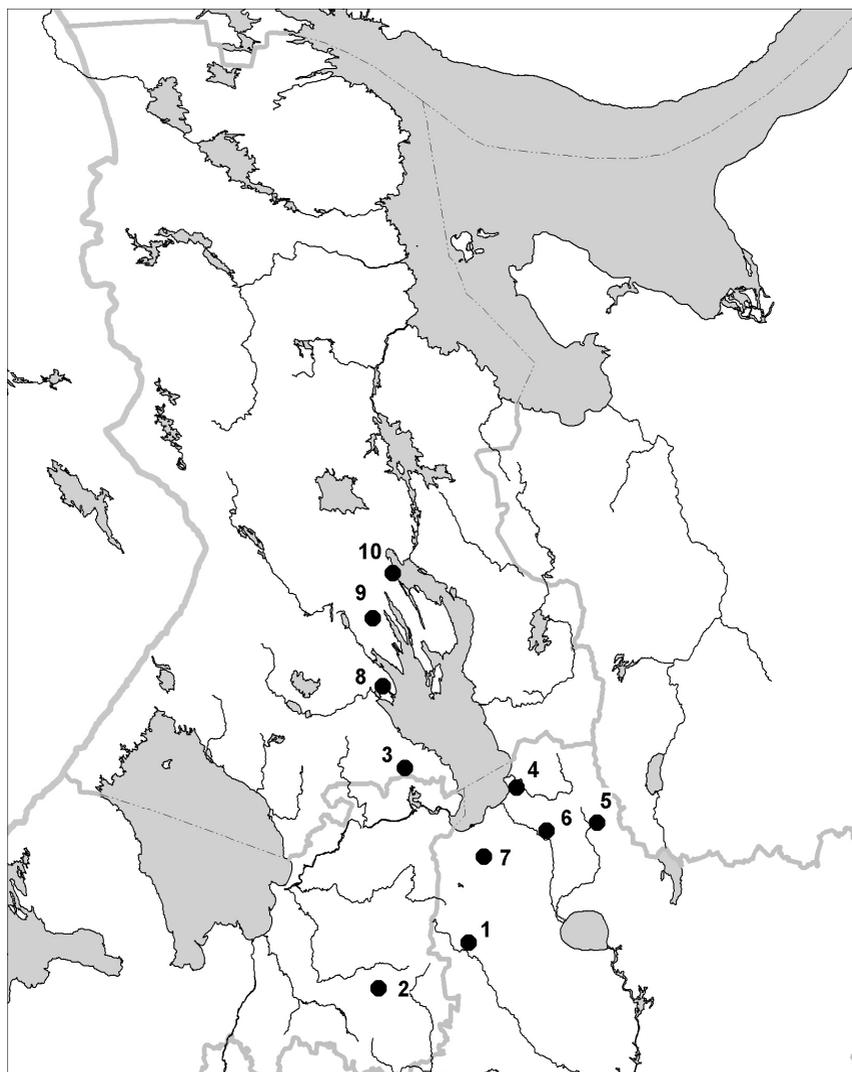
---

¹ Статья подготовлена при поддержке грантов и проектов: «Лингвистический атлас вепсского языка»: РГНФ 2012–2014, № 12-04-00081; Создание ГИС «Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья» – РГНФ 2012–2013; № 12-04-12009; Программа секции языка и литературы ОИФН РАН 2012–2014: «Язык и литература в контексте культурной динамики» (Создание геоинформационного ресурса «Топонимическая карта Олонецкой Карелии»).

*Jalo-

Анализ ряда топонимов с основой Jalo- позволяет реконструировать в ней изначальную семантику ‘большой’, утраченную вепскими говорами, как, впрочем, и другими родственными языками.

Слово известно в функции прилагательного и наречия большинству прибалтийско-финских языков, при этом обращает на себя внимание значительный разброс в его семантике, ср. фин. *jalo* ‘большой, обильный, прочный; смелый, благородный; хороший, отличный, выдающийся; красивый, прекрасный; гордый, благонамеренный, возвышенный; хвастливый, невоздержанный, авантюрный’, карел. *jalo* ‘сильный, большой, капризный, сердитый, злой; бесстрашный, отважный; желание, похоть’, *jalosti* ‘громко; правильно, наверняка, хорошо’, люд. *d'alo, jalo* ‘хорошо, очень, слишком’, *d'aloli, d'alos* ‘очень, очень сильно’, эст. (архаичное, диалектное) *jalu* ‘нетерпеливый, страстный’ [SSA]. В этом же ряду присутствуют вепс. *jalo* ‘быстрый, бойкий’, *jalomba* ‘быстрее, бойчее’, *jalos, g'alos* ‘очень, сильно’ [СВЯ]. В свое время известный финский исследователь Маргги Рапола, обративший внимание на варьирование значений лексемы, предложил для его объяснения зависимость семантики прилагательного от его функционирования в сочетаниях с определяемым словом, а также от тех коннотаций (положительных и отрицательных, этических и эстетических), которые возникают в связи с его функционированием [Rapola, 1947, 184–185]. Так, семантика ‘быстрый’, присущая и вепскому слову, развилась, по мысли Раполы, из первоначального значения ‘большой’ через семантику ‘сильный’ (большой размер предполагает физическую силу), которая, в свою очередь, породила следующее звено в цепочке семантического развития – ‘быстрый’: физическая сила позволяет быстро передвигаться, ср. широко известное в финской языковой практике выражение *on jalo menemään* букв. ‘способен быстро идти’. Видимо, в этом контексте надо рассматривать семантику *jalo* в пословице (*Katsotaan*) *sutta suuhun, neittä päähän, jalkoin jaloa miestä* ‘волка отличают зубы, девушку лицо (здесь голова), мужчину быстрые ноги’ [Rapola, 1947, 191–192]. Следующий этап в развитии семантики ‘бойкий’ логично вырастает из ‘быстрого’. Первоначальная семантика, связанная с большим размером, угадывается еще и в наречиях *jalos, g'alos* ‘очень, сильно’, исторических производных основы *jalo-*.

Рис. 1. Ареал топонимов с основой Jalo-

Значительное (практически полное) размывание первоначальной семантики Мартти Рапола связывает с тем, что первоначально слово не было стилистически нейтральным. Видимо, на фоне синонимичных *suuri* и *iso* ‘большой’ ему изначально были присущи аффективность и экспрессивность, выразившиеся в дополнительном оттенке значения: ‘очень большой, слишком большой’, что могло повлечь за собой те семантические сдвиги, которые отличают слово.

Вероятно, в силу этой же экспрессивности топооснова была не слишком характерна для топонимии. Она практически не оставила следов в финском и карельском ономастиконе, однако на вепсской и смежной с ней территории обнаруживаются некоторые следы ее бытования, прежде всего в гидронимах, свидетельствующие об ее относительной древности.

Далее приведен список топонимов, в основе которых просматривается топооснова Jalo-, с привязкой их к местности и необходимыми пояснениями (рис. 1):

1. *Jalam* ~ *Jalaam*, *Jalaamonpeedod* (*peedod* ‘поля’), высокая гора в районе д. Белая (Ленинградская обл., Бокситогорский район). С учетом южновепсских закономерностей более ранний облик топонима, возможно, был *Jalalma, с конечным суффиксом *-lma*, характерным для ландшафтной терминологии [Накулинен, 1968, 138–139].

2. *Jalažm*, рус. *Явосьма*, река, левый приток р. Паши; в топониме основа Jalo- оформлена «речным» формантом *-žm-*. Река образуется в результате объединения двух рек – Ретеши и Тутоки – и в этом контексте может рассматриваться как большая, образовавшаяся из двух меньших рек. Кстати, у реки есть и другое название – *Саранжа* или *Саранзя*, в котором как раз заключена идея слияния речных потоков, ср. вепс. *sara* ‘рассоха, место соединения двух рек’ [см. подробнее о Саранже: Муллонен, 2002, 205–208].

3. *Елай*, *Елайрека* или *Елайручей*, бассейн р. Ивины (приток р. Свирь), вепс. *D'alaid'ogi*, позволяющий восстанавливать в основе *jalo* ‘большой’. В соответствии с северновепскими фонетическими особенностями инициальный *j* перешел в палатализованный *d'*.

4. *Ялега*, река, впадающая в Онежское озеро на юго-восточном берегу, исторически вепсской территории, и протекающая в

низовьях через озеро с названием *Большое*. С учетом данной связки допустимо реконструировать в основе *Ялеги* вепсский оригинал *Jaleg < *Jal'jogi < *Jalojogi (-jogi 'река'), а топоним оз. *Большое* считать переводной калькой *Jalojärv 'Большое озеро'. При этом название закрепилось первоначально, видимо, за озером, действительно крупным на фоне окрестных незначительных по размерам лесных озер, а затем перешло на реку. Этот пример – свидетельство того, что, по крайней мере, часть топонимов с основой Jalo- могла, будучи переведенными, исчезнуть в ходе русской адаптации.

5. *Ялойское болото* в Вытегорском районе Вологодской области, в окрестностях д. Прокшино на р. Кеме.

6. *Ялосарь*, деревня в Вытегорском районе Вологодской области, на берегу Новинского водохранилища, входящего в ББК. Очевидно, отражает ландшафтные особенности местности до строительства канала, вепс. *Jalosaf 'Большой остров'.

7. *G'aloja*, рус. *Елайручей* (бас. р. Ошта), там же *Ялойская Кара*.

8. *Ялгуба*, деревня на берегу одноименного залива Онежского озера, в бывшем людиковском языковом ареале: люд. *Jallaht'*, *D'allaht'*, *D'allahtenguba*. Финский топонимист В. Ниссиля связывал истоки топонима с карельским *jalg*, *d'alg* 'нога', полагая, что в основе ассоциация по форме: длинный узкий залив по конфигурации напоминает ногу [Nissilä, 1967, 24], однако в плане типологии наименований эта интерпретация малоперспективна. Значительно продуктивнее сопоставлять *Ялгубу* с названием соседнего залива *Пиньгуба*, в котором, в полном соответствии с закономерностями фонетической адаптации прибалтийско-финских топонимов к русской системе географических названий, топооснова Пинь- восходит к карел. *pieni* 'маленький'. На фоне незначительной по размерам, особенно по протяженности, Пиньгубы Ялгуба, имеющая длину около 6 км, является большой, что и закрепилось в ее названии. Кстати, истоки топонима *Пиньгуба* оказались для В. Ниссиля непонятными, что, видимо, не позволило ему увидеть основу *jalo* в Ялгубе.

9. *Ялгуба*, обширный залив оз. Сандал в Кондопожском районе Республики Карелия.

10. *Ялгуба*, залив на западном берегу Повенецкого залива (Медвежьегорский район, д. Тунатрека).

Ранняя утрата значения размера отразилась в том, что основа практически отсутствует на современной вепсской территории в микропонимии, обнаруживаясь в то же время на окраинах вепсского языкового ареала – обрусевших и карелизированных – как свидетельство разрушившегося ареала.

Особенно интересны три *Ялгубы* в северном Обонежье, в том числе *Ялгуба* практически на северной оконечности Онежского озера, на старом водно-волоковом пути из вепсского Прионежья в Поморье. Заметим, что в окрестностях присутствуют и другие вепсские дифференцирующие признаки в культуре, что, возможно, позволяет видеть в топониме вепсский след на транзитном водно-волоковом пути в Поморье.

*Enä-

Вепсская топонимия сохранила следы использования и другого реликтового прилагательного для обозначения большого размера. Это прибалтийско-финское слово *enä, сохранившееся в вепсских говорах на апеллятивном срезе в качестве наречия enamb ‘больше’: enamb en tule ‘больше не приду’, ken bohat ka paneb enamb dengoid’ ‘кто богатый, тот кладет больше денег’ [СВЯ]. Уже в этимологическом словаре финского языка в словарной статье enä приводится вепсский топоним *Enarv* < *Enäjärvi как пример реконструкции семантики ‘большой’ [SKES]. Его русский эквивалент – *Вонозеро*, образовавшийся в соответствии с фонетическими закономерностями севернорусских говоров эпохи освоения новгородцами Севера, позволяет предполагать, что и другое озеро с названием *Вонозеро*, расположенное на свирско-оятском водоразделе, бывшей вепсской территории, обрусевшей относительно недавно, тоже содержит в основе вепсское прилагательное *enä ‘большой’. На фоне окружающих небольших по размеру лесных озер оба Вонозера в соответствии с этимологией действительно отличаются своими значительными размерами. Список может быть расширен за счет речного наименования *Enojogi* с вариантами *Enoja*, *Jenjogi*, *ienoja*, рус. *Генуя*, которым называется верхнее течение р. Капши, от ее истоков до впадения в

Капшозеро. При этом название имеет вариант *Sur'jogi* 'большая река', подтверждающий правильность этимологии топоосновы en(ä)- [Муллонен, 1994, 58].

В последнем примере налицо неустойчивость вепс. *e* в начальной позиции (*Enojogi* ~ *Jenjogi*, рус. *Генуя*), являющаяся отражением характерной для вепсских говоров тенденции к нарастанию *j* в начале слова. С учетом отмеченной фонетической закономерности можно реконструировать топооснову *enä- в названии мыса *Jennet* (нем 'мыс') на оз. Шимозеро, а также, возможно, в наименовании ручья *Енуя* (вепс. *Änoja, Iänjogi*) в бассейне верхней Ояти, оз. *Енойское* ~ *Еновское* ~ *Еное* в бассейне р. Викшеньги (бас. Паши), *Енручей* в нижнем течении р. Шокши (бас. Ояти), *Еноручей* с вариантом *Ендручей* в бас. Пидьмы, а также, возможно, руч. *Гение* или *Генинский*, вытекающий из обширного Важевского болота в бассейне р. Шапши [СГС].

Наряду с фонетическим вариантом *en- (*Enar'v, Enojogi*) в гидронимии сохранились следы использования варианта *än- (*Änjärv, Änine*), в том числе с выросшим *j* (*jänjärv ~ Jänjärv, Jänomägi* и др.), при этом за варьированием могут стоять разные процессы: как различные языковые истоки, так и звукопереходы, происходившие внутри вепсских говоров, а также в ходе вепско-русского языкового контактирования. Действительно, в соответствии с историческим финно-угроведением более открытый на фоне прибалтийско-финского *e* звук *ä* может являться наследием того древнего довепсского – условно прасаамского – языка, который бытовал в Обонежье и был родственен вепсскому [см. подробнее: Муллонен, 2002, 271–282]. Возможно, именно к этому языку восходят и *jänine* – вепсское название Онежского озера, и наименования других больших на окружающем фоне озер и рек, таких как *Änjärv, Яндозеро, Яндома* и др. Вместе с тем варьирование *äi ~ ei* 'много', *mägi ~ megi* 'гора' и др., возникшее, очевидно, как следствие русского языкового воздействия в восточных вепсских говорах, дает основание предполагать изначальное *ä* на месте современного *e* и в ряде гидронимов. В то же время русская по употреблению топонимия Обонежья являет многочисленные примеры взаимозаменяемости *e ~ я*, которые затрудняют реконструкцию изначального гласного в топооснове.

Есть одно косвенное обстоятельство, указывающее на то, что вариант *Än-* был явным фактом вепсской топонимии и его семантика осознавалась носителями топонимии. В топонимии южного Обонежья обнаруживается несколько фактов бинарной оппозиции ‘большой – маленький’, в которой семантика ‘большой’ выражена топоосновой *Än-*, а ‘маленький’ вепскими прилагательными *riču* и *vähä*: на верхней Ояти рядом с обширным озером *Äñjärv* (рус. *Яндозеро*) располагается маленькое *Vähärv*, рус. *Вязозеро* (*vähä ‘маленький’, см. ниже), в Шимозерье оппозиция представлена соответственно как *iñdärv* ~ *Jändärv*, рус. *Яндозеро*, и *Pičar* (*riču* ‘маленький’). Бытование связок такого рода предполагает, что оба их члена возникали внутри одного языка или, по крайней мере, создатели вепсских «маленьких» гидронимов осознавали связь топооснов *En-* и *Än-*. Можно добавить к этому, что список топонимов расширяется за счет названий притоков Свири рек *Янега*, *Яндема* [о генезисе *d* в этом и других гидронимах этой группы см.: Муллонен, 2002, 272–275], *Янасарь*, *Яндручей*, а также расположенных в восточном и юго-восточном Обонежье р. *Янсорка*, р. *Яниши*, оз. *Янишевское*, бол. *Янишево* (с вариантом *Великое*). В этом же ряду губа *Вянегуба*, два острова с названием *Янестрова* на Выгозере, оз. *Янозеро* (бас. р. Водлы), а также в силу колебаний *e* ~ *я* *Ендрека* в Пудожье, *Ендручей*, вытекающий из оз. *Большое*, в Кенозерье, оз. *Яндомозеро*, стекающее по р. *Яндоме* в залив Онежского озера – губу *Великая*, в Заонежье. Наконец, здесь же название Онежского озера, вепс. *iänine*, а также самого крупного озера Северного Приладожья *Jänisjärvi* (рис. 2). В силу обозначенных выше причин на предложенную карту вынесены оба фонетических варианта топоосновы. При этом понятно, что генезис их может быть несколько различен. Лексема *enä имеет древние финно-угорские корни и широко представлена в финно-угорских языках [SSA]. Она убедительно восстанавливается в топонимии мерянского, муромского и мещерского происхождения на территории Верхневолжья [Rahkonen, 2009, 206–209]. Не исключено, что в Обонежье столкнулись две языковых разновидности топоосновы: та, что бытовала в финно-угорском языке довепсского населения территории, и прибалтийско-финская. Семантически идентичные и близкие по звучанию, они сосуществовали в рамках

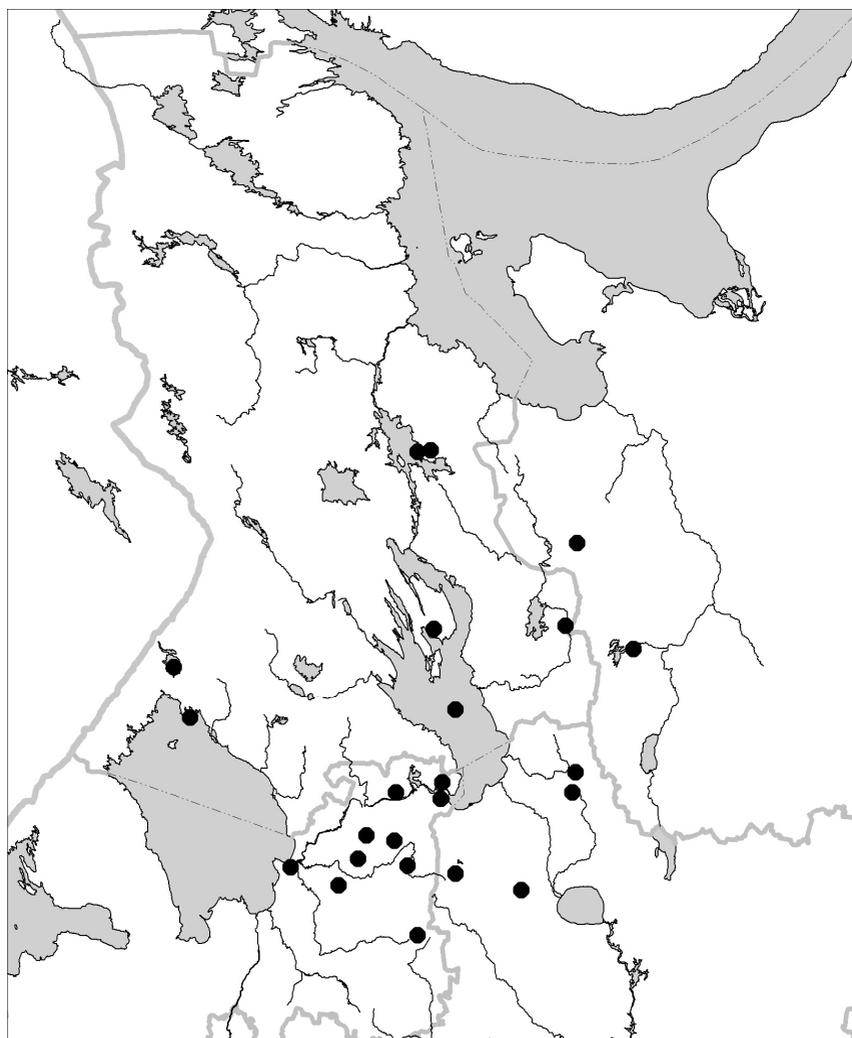

Рис. 2. Ареал топонимов с основой En- / Än-

единой территории. Видимо, примерно такой же процесс происходил с топоосновой *Sar ~ Saga*: допуская прибалтийско-финское толкование, она в то же время укладывается в рамки ареала, который может быть охарактеризован скорее как верхневолжский, чем прибалтийский. К тому же за фонетическими вариантами *Sar ~ Saga* могут стоять разные языковые истоки [см. подробнее: Муллонен, 2002, 205–208].

*Vähä-

Исторически в паре с прилагательным *enä-/änä-* в топонимии использовалось определение *vähä ‘маленький’ (*Vähärv*), сохранившееся в вепсских говорах в качестве наречия: *vähä*, *vähän-* ‘мало, немного’, *vähäd* ‘чуть (не), едва’ и др. [СВЯ]. Следы его в топонимии незначительны и представлены в верховьях Свири и ее притока Ояти несколькими гидронимами. Выше упоминалась уже пара озер *Äñjärv* и *Vähärv* на верхней Ояти, в этом же районе в окрестностях д. Ладва есть небольшое озерко *Vähäč*. Видимо, в данный ряд входит название ручья *Вязкий*, впадающего в р. Шокшу (пр. приток Ояти), современный облик которого сформировался в ходе русской языковой адаптации вепсского оригинала *Vähäoja. Видимо, название ручья воспроизводится в русском виде в наименовании озера *Малого*, расположенного в русле р. Шокши при впадении в нее ручья Вязкого. Доказательством предлагаемого вепсского оригинала является и название соседнего притока Шокши *Енручей* (< *Епоја или *Äñoja ‘большой ручей’). Очевидно, и здесь имеется бинарная оппозиция. Она же реконструируется в основе названий двух островов на верхней Свири: незначительного по размерам *Вязострова* и соседнего более крупного острова, именуемого в настоящее время *Иваньков остров* – по располагавшейся на нем одноименной деревне. Названия смежных с островом объектов сохраняют его прежнее наименование *Яностров (*Änsar’), ср. впадающий напротив острова в Свирь южный приток *Янручей*, а также находящуюся на мысу на северном берегу Свири напротив острова д. *Янनावолок* (наволок ‘мыс’). Здесь вновь воспроизводится ситуация связки топооснов *En(ä)-/Än(ä)-* ‘большой’ и *Vähä-* ‘маленький’, а в основе *Вязострова* восстанавливается

цепочка вепс. *Vähäsaf > *Vähsaf > *Väsaf > рус. Вязостров. Финский исследователь Паули Рахконен, который обратил в свое время внимание на последнюю связку, полагал, что топооснова Вязимеет в ней мерянские корни [Rahkonen, 2009, 175], на основе топонимии Верхневолжья он восстановил древнюю мерянскую топооснову в виде *váz. Как видим, и в этом случае граница между прибалтийско-финской и условно волжско-финской топоосновой относительно зыбка.

Pen’-

Основа pen’- ‘маленький’ активно бытует в микротопонимии, а также в качестве определения в семантической паре ‘большой – маленький’ нередка в гидронимии. Здесь рассматривается один топоним, который со времен Кастрена и Шегрена возводится к прибалтийско-финскому прилагательному *pieni* ‘маленький’, оформленному так называемым речным суффиксом -га, рудиментом прибалтийско-финского детерминанта -jogi ‘река’. Это речное наименование *Пинега*, которое, по мнению А. К. Матвеева, можно возвести к прибалтийско-финскому источнику [Матвеев, 2007, 122]: *Peneg < *Peñjogi ‘маленькая река’, а появление рус. *и* – закономерный рефлекс прибалтийско-финского *e* или *ie*.

Исследователи, чье внимание привлекало название широко известного притока Северной Двины р. Пинеги, видимо, не знали о том, что, во-первых, на Европейском Севере России есть еще около десятка рек с этим названием, а во-вторых, всем им свойствен один характерный признак, который мог быть положен в основу названия. На окраинах современного вепсского языкового ареала, на территории, бывшей в прошлом вепсской, обнаружилось три *Пинеги*. Это, во-первых, две небольшие лесные речки, впадающие в Пашу в ее нижнем течении, при этом обладающие сходной характеристикой. Истоки первой из них находятся в непосредственной близости к р. Шижне и отделены от последней длинным узким болотом с названием *Лухта* (вепс. *luht* ‘заливной покос’). Название говорит о том, что во время половодья болото затоплялось и по нему можно было передвигаться на лодках. Об этом рассказывали и наши информанты четверть века назад. Иначе говоря, по

Пинеге проходил местный водный маршрут, соединяющий реки Пашу и Шижню. С ним, очевидно, связано и название д. *Ладвуши*, которая располагалась на Шижне в том месте, откуда мог начинаться водный путь через бол. Лухта и р. Пинегу на Пашу. Оно явно указывает на верховье реки (вепс. *ladv* ‘верховье, вершина реки’), хотя поселение и не находилось в истоках Шижни. Если предположить, что здесь располагался исходный пункт водного маршрута, то тогда топоним характеризует его абсолютно адекватно. Пинега, таким образом, оказывается связующим звеном, соединяющим две реки.

Чуть выше в Пашу впадает вторая река с названием *Пинега*, которая течет параллельно Паше, и в истоках ее находится узкое и длинное болото *Пинега*, которое вторым своим концом выходит к берегу Паши, приблизительно в 20 км выше устья Пинеги. Если Паша в этом промежутке делает довольно ощутимый поворот, то Пинега течет прямо и явно укорачивает маршрут, что и использовали местные жители для поездок.

Эти два примера свидетельствуют о том, что топоним *Пинега* присваивался рекам, являвшимся участками водных (водно-волоковых) путей и служившим для сокращения дороги, для продвижения «напрямую».

Данной характеристике соответствует и урочище с названием *Пинега* в западной части Заонежского полуострова, в окрестностях д. Пегрема. Оно находится в узком основании мыса, который с одной стороны омывается заливом *Лодейгуба* (заон. лодья), с другой – Калейгуба, в нее впадает безымянный ручей, берущий начало в урочище *Пинега*. Сообразуясь с данной ландшафтной характеристикой, можно полагать, что через урочище *Пинега* проходил прямой маршрут из Лодейгубы в Калейгубу, значительно сокращавший путь по сравнению с тем, который приходилось проделывать, чтобы обогнуть мыс, узкий у основания, но широкий в конце. Он (путь) мог быть как водно-волоковым, так, возможно, и водным – при высокой воде. Учитывая, что топоним *Пинега* практически повсеместно является речным наименованием, можно полагать, что и в окрестностях Пегремы он первоначально называл ручей, впадающий в Калейгубу, а затем перешел на смежное урочище.

Ареал топонима *Пинега* простирается от Обонежья и на восток, и, видимо, на запад, хотя и не отличается особой насыщенностью. Из западных примеров отмечу название оз. *Pienanjärvi* (järvi ‘озеро’) в бассейне р. Оулуйоки в центральной Финляндии. Оно разделяется узким перешейком (ширина около 400 м) с расположенным севернее оз. Пуокиоярви. При этом залив оз. Пуокиоярви, граничащий с перешейком, называется *Taivallahti*, т. е. ‘дорожный или путевой залив’ [<http://www.retkikartta.fi/index.php>], напоминающий о пути (волоке) через перешеек. Топоним привлек в свое время внимание финского исследователя Алпо Ряйсänen, который считал, что в основе – северносаамская лексема *beana* ‘собака’, хотя и признавал наличие определенных фонетических сложностей для такой этимологии [Räisänen, 2003, 106–107]. Можно бы добавить к этому, что такая интерпретация имеет и семантические проблемы.

Несколько рек с названием Пинега известно на юге и востоке от Обонежья. Среди них р. *Пинега*, приток р. Углы (бассейн Шексны). В то время как русло Углы делает большой крюк, Пинега практически рассекает образованное Углой полуокружье, позволяя спрямить путь на десятки километров. На то, что эта лесная река использовалась в прошлом в качестве водной дороги и играла важную роль в жизни территории, указывает расположенное в ее истоках большое село Покровское, бывший волостной центр. Подобную ситуацию отражает и ландшафтная характеристика р. *Пинеги* в районе архангельского Шенкурска. Она впадает в Вагу в основании длинной, многокилометровой, но узкой петли, которую делает Вага. Надо полагать, что Пинега использовалась для пересечения перешейка, образуемого петлей Ваги, на что указывает, кстати, название поселения *Кучематка* (приб.-фин. *matka* имело изначально семантику ‘сухопутный отрезок пути, перешеек между водными участками’) на противоположном от устья Пинеги берегу Ваги. Наконец, самая известная Пинега на Русском Севере – приток Северной Двины, впадающий в реку в ее низовьях, в притяжении Архангельска. Из Двины по Пинеге попадали через короткий волок в р. Кулой, которая выводила на Ледовитый океан. Упомянутый волок – один из самых известных на Русском Севере, он встречается уже в письменных документах XIV в. Длина волока между Пинегой и Кулоем не превышала полукилометра, и весной, при высо-

кой воде, этот путь можно было преодолеть на лодке. В 1920-х гг. на месте волока был прокопан канал, предназначенный для сплава. Таким образом, очередной раз *Пинега* – эта река при волоке. Видимо, такая устойчивая связь не может быть случайной. Спрашивается, могла ли семантика ‘маленький’ применительно к названиям рек восприниматься как ‘короткий’, имея в виду, что Пинеги, судя по их характеристике, укорачивали путь. Прибалтийско-финские лексические данные предлагают и другую возможную лексему в качестве этимона для топоосновы: *riena* ‘поперечный брусок, доска, служащие для устойчивости, для закрепления расположенных к ним под прямым углом досок, балок и т. д.’ [SSA], т. е. обыгрываются две семантические характеристики: поперечный и соединяющий, что как раз отличает реки с названием Пинега. В топонимии Карелии основа использована, к примеру, в названии поля *Pienapelto* с характерным расположением в основании трех других полевых участков, объединяемых этим поперечным участком в единое целое. Вместе с тем настораживает отсутствие топонимов, в которых топооснова *Пине-* выступала бы без форманта *-ga* либо в сочетании с каким-то другим речным формантом. Впрочем, не исключено, что они есть, но не попали еще в исследовательское поле. На Русском Севере следует, видимо, обратить внимание и на топонимы с основой *Пен(е)-*. На данном этапе устойчивый облик топонима позволяет предполагать в его основе некий термин из утраченных финно-угорских языков, семантика которого была связана с водно-волоковыми путями. Кроме того, надо иметь в виду, что абсолютное большинство относительно крупных рек на Русском Севере не этимологизируется из прибалтийско-финских языков, что также подвергает сомнению предложенные прибалтийско-финские интерпретации. Приходится констатировать, что при устойчивой ландшафтной характеристике убедительный этимон пока что не обнаружен.

ЛИТЕРАТУРА

- Матвеев А. К.* Топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007.
Муллерен И. И. Топонимия Присвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
Муллерен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб, 1994.